

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(Годъ двѣнадцатый).

АПРѢЛЯ 1. № 7. 1876 ГОДА.

О ПРАВАХЪ СОВѢСТИ.

(Слово въ недѣлю православія и въ день празднованія восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича (*).

Молимъ вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ
(1 Солун. V, 14).

Въ прошедшемъ году здѣсь, въ этотъ же самый торжественный день и предъ этимъ же именитымъ собраніемъ, мы бесѣдовали о свободѣ совѣсти (**). Не смѣемъ думать, чтобы содержаніе нашего слова сохранилось въ памяти слушателей, и даже просимъ извиненія въ этомъ напомниманіи, находя себѣ оправданіе только въ томъ, что напомниманіе это нужно для уясненія предмета, который мы намѣрены теперь предложить вашему вниманію, и который составляетъ необходимое продолженіе прежде изложеннаго ученія.

(*) Произнесено 22-го Февраля, въ московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ протоіереемъ А. Ключаревымъ.

(**) Прекрасное слово о свободѣ совѣсти было напечатано въ Вологод. Епарх. Вѣдом. 1875 года, въ № 10.

Мы напомним вамъ, къ какимъ заключеніямъ мы пришли послѣ точнаго изложенія ученія православной церкви о свободѣ совѣсти. Свобода совѣсти не есть какая-либо привилегія, принадлежащая намъ отъ рожденія, во имя которой мы можемъ требовать себѣ отъ властей гражданскихъ и церковныхъ какихъ-либо уступокъ, расширяющихъ свободу нашей жизни. Она есть совершенство духовное, и притомъ для всѣхъ насъ еще искомое, и вполне принадлежащее только праведникамъ. Она состоитъ въ безпрепятственномъ, охотномъ, неуклонномъ и совершенномъ исполненіи закона нравственнаго, чѣмъ мы не можемъ еще похвалиться. Она состоитъ въ правѣ относиться къ постановленіямъ закона обрядовымъ по высшему разумѣнію законовъ и цѣлей нравственныхъ, чего мы не можемъ еще себѣ позволить за немногими исключеніями. А если у насъ нѣтъ самаго основанія для нашего права, на чемъ же мы утвердимъ наше право чего-либо себѣ просить или требовать? Итакъ, въ устныхъ бесѣдахъ, въ литературѣ, въ самыхъ даже разсужденіяхъ о законахъ, относящихся къ расширенію правъ вѣроисповѣдныхъ, супружескихъ, семейныхъ и проч., мы несправедливо употребляемъ слова: «свобода совѣсти». Для правильнаго опредѣленія основаній терпимости вообще, и вѣротерпимости въ особенности, и указанія предѣловъ той и другой требуется иное понятіе, и иное выраженіе,—именно «права совѣсти». Когда св. апостоль Павель умоляетъ насъ вразумлять безчинныхъ, утѣшать малодушныхъ, поддерживать слабыхъ, очевидно, онъ разумѣетъ здѣсь людей, у которыхъ совѣсть не только не свободна, но еще поработана страстями, доводящимъ до безчинства, или изнемогаетъ въ борьбѣ съ искушеніями и препятствіями къ исполненію закона Христова. Когда онъ молить долготерпѣть ко всѣмъ, то очевидно имѣетъ въ виду многихъ, нуждающихся не только въ снисхожденіи, пощадѣ, но и въ долготерпѣ-

ни, слѣдовательно, страдающихъ разными, иногда тяжкими, недугами совѣсти. Какія же права всѣ эти люди имѣютъ на терпѣніе и попеченіе со стороны братій болѣе ихъ твердыхъ въ исполненіи закона Христова? Права совѣсти. Какая здѣсь имѣется въ виду цѣль долготерпѣнія и попеченій? Уврачеваніе душъ болящихъ недугами совѣсти.

Что же такое «права совѣсти» и какъ на нихъ (а не на свободѣ совѣсти) могутъ быть утверждаемы здравыя правила христіанской терпимости и вѣротерпимости?

Права каждаго живаго существа и каждой живой силы опредѣляются цѣлю ихъ бытія, законами дѣятельности и средствами для достиженія цѣли. Чѣмъ важнѣе жизнь какаго-либо существа для окружающей его среды и порядка природы, тѣмъ больше оно имѣетъ правъ на существованіе; чѣмъ важнѣе силы извѣстнаго существа и законы его дѣятельности для достиженія имъ цѣли бытія, тѣмъ больше эти силы и законы имѣютъ правъ на уваженіе и охраненіе. (На этомъ общемъ законѣ основано преимущественное уваженіе къ жизни человѣка и заботливое охраненіе его силъ и правильной ихъ дѣятельности. Отсюда происходятъ права разума и заботливость о правильномъ развитіи и направленіи его дѣятельности посредствомъ воспитанія, образованія, и т. п., такъ какъ разумъ есть распорядитель всей жизни человѣческой. Отсюда права свободы, такъ какъ свобода есть существенная принадлежность человѣка, возвышающая его надъ всею видимою природой и сообщающая его дѣйствіямъ духовное и нравственное достоинство. Отсюда права тѣла нашего на охраненіе его цѣлости и здоровья, такъ какъ тѣло есть орудіе духовной дѣятельности человѣка. Отсюда же происходятъ и права совѣсти, какъ принадлежности наиболѣе необходимой для правильной жизни человѣка и достиженія имъ разнообразныхъ цѣлей его бытія. Если разумъ открываетъ и уясняетъ пути

человѣческой дѣятельности, если свобода движеть человѣка по этимъ путямъ, то совѣсть провѣряетъ въ нравственномъ отношеніи правильность самыхъ путей и уравниваетъ свободныя движенія по нимъ человѣка. Въ ней хранилище законовъ нравственныхъ; ея ощущеніями провѣряются, какъ наши понятія о правѣ, правдѣ, чести, достоинствѣ и благодѣствіи человѣка, такъ и самыя дѣйствія, направляемыя согласно съ этими понятіями. Въ смущеніи, производимомъ совѣстію при видѣ грѣха или соблазна и называемомъ стыдливостію, заключается охрана невинности и спасительное предостереженіе отъ преступленій. Въ ея обличеніяхъ и угрызеніяхъ—неизбѣжныя всюду насъ преслѣдующія наказанія за содѣянные преступленія. Въ ея утѣшеніяхъ, въ пробуждаемомъ ею радостномъ чувствѣ и сознаніи сдѣланнаго добра—неотъемлемая и высшая награда за подвиги чести и добродѣтели. Наступите вы на совѣсть человѣка, принудьте его страхомъ и насиліемъ, или пріучите ложью, хитростью, обманомъ дѣйствовать противъ совѣсти, заглушать ея требованія, или обходить ихъ, вы исказите, развратите, погубите въ человѣкѣ именно то, что составляетъ въ немъ истиннаго человѣка. Такъ велики и неприкосновенны права совѣсти. И такъ какъ человѣкъ можетъ развиваться только самодѣятельностію и притомъ свободною, то права совѣсти, доколѣ не утратилъ ихъ человѣкъ, не допускаютъ по отношенію къ нему со стороны другихъ ничего иного кромѣ наблюденія, направленія,—посредствомъ дѣйствованія на его разумъ, его убѣжденія и чрезъ то на его свободу.

Но человѣку, по его назначенію и цѣли бытія, предлежитъ необозримый рядъ ступеней для восхожденія кверху, въ нравственной дѣятельности по пути добра, а по природенной порчѣ, къ несчастію всегда угрожаетъ нисхожденіе книзу по пути зла и порока. И это нисхожденіе въ область зла бы-

ваетъ иногда въ степени неопасной, иногда очень глубоко, а иногда и безвозвратно. Вѣками оправданные опыты и утвержденные законы даютъ попечительной любви и наблюдающей власти религіозной, государственной и семейной разнообразныя основанія для опредѣленія степеней развращенія людей и употребленія по отношенію къ нимъ мѣръ исправительныхъ и карательныхъ, начинающихся отъ выговора и оканчивающихся смертною казною. И во всякомъ случаѣ мѣриломъ надежды на исправленіе человѣка, или безнадежности служить изслѣдованіе—на сколько собственная его совѣсть сохранила надъ нимъ свои права и, сверхъ того, на сколько его развращеніе опасно для окружающей его среды, для общественной совѣсти, а затѣмъ и нравственности. Чувство совѣсти легко можетъ притупиться, какъ обоняніе, и къ пороку, также легко привыкнуть, какъ къ заражонному міазмами воздуху; поэтому власть, бдительно охраняющая порядокъ обществъ, всегда высоко держитъ знамя закона не только на страхъ преступниковъ, но и на предостереженіе слабымъ. Въ этомъ смыслѣ значительная доля обязанности храненія общественной нравственности лежитъ и на самомъ христіанскомъ обществѣ. По христіанскому братолюбію мы всѣ должны помогать другъ другу въ нравственной жизни—участіемъ, совѣтомъ, прошеніемъ, утѣшеніемъ, пособіями вещественными и всѣми средствами, на которыя такъ изобрѣтательна истинно-христіанская любовь. Но мы обязаны дѣлать и нѣчто большее. Въмѣсто бесплодныхъ разсужденій о ложнопонимаемой свободѣ совѣсти, намъ полезнѣе принять въ руководство ученіе объ охраненіи правъ совѣсти, и вмѣсто такъ называемыхъ либеральныхъ отношеній къ людямъ, глумящимся надъ законами нравственными и заповѣдями церковными, воспользоваться наставленіемъ апостола: вразумляйте безчинныя.

Тѣ же священныя права совѣсти охраняются и вѣротерпимостію—этою высокою чертою въ характерѣ современныхъ

христіанскихъ правительствъ. Трезвая и прямая совѣсть чело-
вѣка ни къ чему не относится съ такимъ благоговѣніемъ и
страхомъ, какъ въ Богу и Его верховной волѣ. Посему всякая
религія, заслуживающая это имя, какъ совокупность понятій о
Богѣ, законовъ отъ Его имени изрекаемыхъ и правилъ опре-
дѣляющихъ различные виды служенія Богу, тѣмъ глубже чтит-
ся и тѣмъ строже соблюдается извѣстнымъ человѣческимъ об-
ществомъ или народомъ, чѣмъ тверже совѣсть этого общества
или народа. Отъ того, какъ свидѣтельствуемъ опытъ, гнать и
преслѣдовать людей за религію или заставлять ихъ силой отрече-
ться отъ нея, это значить сдѣлать ихъ врагами власти и ут-
вердить еще болѣе въ исповѣдуемой ими религіи; а стараться
подорвать въ людяхъ благоговѣніе къ религіи, значить лишить
ихъ души нравственной силы. Посему Евангеліе, которому
собственно и принадлежитъ ученіе о вѣротерпимости, предпи-
сываетъ христіанамъ одинъ способъ дѣйствованія по отношенію
къ людямъ принадлежащимъ къ ложнымъ религіямъ или не-
правымъ христіанскимъ исповѣданіямъ: долготерпѣніе, любовное
обращеніе, убѣжденіе, просвѣщеніе. Высокій образецъ подоб-
наго дѣйствованія показалъ намъ св. апостоль Павелъ въ своей
рѣчи, сказанной имъ въ Ареопагѣ аѳинскомъ. При видѣ Аѳинъ
полныхъ идоловъ, онъ, по свидѣтельству дѣяній апостольскихъ,
возмущенъ духомъ; но послушайте что онъ сказалъ идолопок-
лонникамъ въ Ареопагѣ: *«Аѳиняне! повсему вижу, что вы
какъ бы особенно набожны. Ибо проходя и осматривая то,
что вы чтите, я нашолъ и жертвенникъ: Невѣдомому Богу.
Сего-то, Кого вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ (Дѣян.
XVI, 17, 22, 23)»*.

Какимъ образомъ можно опредѣлять качества совѣсти
людей, исповѣдующихъ извѣстную религію и ихъ права на
большую или меньшую терпимость? Во первыхъ, изъ совокуп-
ности тѣхъ истинъ, которыя исповѣдуетъ извѣстная религія

своимъ послѣдователямъ, или изъ того мірозерцанія, которое слагается въ ихъ умахъ подѣ влияніемъ ихъ вѣрованій; потому изъ правилъ нравственности, преподаваемыхъ религіей и ея установленій относительно богослуженія и богоугожденія и, наконецъ, изъ самыхъ дѣйствій и поведенія послѣдователей извѣстной религіи, какъ прямыхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ содержимаго ими ученія. Известно, что прирожденная совѣсть человѣка истинною христіанскою религіей просвѣщается и утверждается, чрезъ усвоеніе умомъ и сердцемъ нашимъ откровеннаго ученія о Богѣ и Его законѣ, а ученіями ложныхъ религіи запутывается и искажается. Когда, на примѣръ, магометанство учитъ, что человѣкомъ управляетъ судьба, что для просвѣщенія людей довольно одного Корана, что правовѣрные призваны господствовать надъ цѣлымъ міромъ, что чувственныя наслажденія—ихъ удѣлъ не только въ этой жизни, но и въ будущей; то очевидно, что отъ его послѣдователей нельзя ожидать ни любви къ наукамъ, ни самостоятельнаго духовнаго развитія, ни челоѣколюбія, ни нравственной чистоты. Примѣра этого довольно для поясненія нашей мысли, но остается рѣшить вопросъ, какой видъ должна принять терпимость по отношенію къ религіямъ не только ложнымъ, но и особенно вредно дѣйствующимъ, какъ на послѣдователей ихъ, такъ и на другихъ людей, приходящихъ съ ними въ соприкосновеніе? Мы должны относиться съ особенною заботливостію къ ихъ послѣдователямъ въ видахъ обращенія ихъ на путь истины, и при томъ съ особою бдительностію предупреждать распространеніе подобныхъ религіи между чуждыми имъ населеніями. Наше дѣло изучать эти религіи, пріобрѣтать довѣріе ихъ послѣдователей, давать имъ всѣ способы познанія истины и очищать ихъ совѣсть словомъ и примѣромъ, а преслѣдованіе преступленій противъ государственныхъ законовъ, происходящихъ отъ ложныхъ вѣрованій и убѣжденій, предоставлять государственной власти.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ ложныхъ понятій о свободѣ совѣсти, мы пришли къ странному, невиданному въ исторіи, состоянію умственному и нравственному. Мы вообразили, что какъ мы сами, такъ и другіе вольны думать и дѣлать, что хотимъ, вѣровать и не вѣровать, признавать надъ собою обязательную силу нравственнаго закона и не признавать, соблюдать вѣками установленныя правила благоповеденія и не соблюдать ихъ. Мы забыли, что наша совѣсть имѣетъ надъ нами свои природныя неотложныя права, что совѣсть другихъ также имѣетъ права на наше вниманіе и уваженіе. Своей совѣсти мы не провѣряемъ, чужой—не щадимъ, сами идемъ на все безъ оглядки, другимъ подставляемъ всевозможныя соблазны и обольщенія. Наша терпимость дошла до того, что мы и людей безъ всякой вѣры почитаемъ просвѣщенными людьми, думаемъ, что и безъ мысли о Богѣ, Виновникѣ и Охранителѣ закона совѣсти, можетъ быть у человѣка добрая совѣсть, что ее могутъ замѣнить какія-нибудь научныя системы и познанія. Мы дошли, осмѣливаемся сказать, до несообразности, полагая, что можетъ устоять въ обществѣ и въ цѣломъ народѣ единомысліе, единодушіе и нравственный порядокъ, когда каждый безнаказанно можетъ нарушать всякіе законы, избѣгая только тюрьмы и ссылки. Что же дѣлать? Разбудить совѣсть собственную, отрезвить общественную, вмѣсто повторенія чужихъ философскихъ мыслей и бессодержательныхъ фразъ, обратиться къ изученію души человѣческой, ея священныхъ правъ и обязанностей и къ изученію христіанства не по дѣтскимъ учебникамъ, а изъ коренныхъ его источниковъ; а это и есть путь и къ вѣрѣ, и къ правильной жизни, и къ доброй совѣсти.

По мнимой свободѣ совѣсти мы желаемъ вѣротерпимости, при которой все было бы не только мирно во внѣшней жизни (чего всегда требовали отъ христіанъ и апостола Христо-

вы), но не было бы и въ области мысли и вѣрованій ни борьбы, ни преній, благодушно говоря: пусть каждый вѣруетъ какъ хочетъ! Но мы забываемъ, что этотъ миръ есть нравственная мертвенность и гніеніе. Христось Спаситель не обѣщаль намъ этого мира; огонь и мечь Онъ пришоль низвестъ на землю (Лук. XII, 49. Матѣ. X, 34)—огонь ревности и духовный мечь борьбы истины противу лжи, и добра противу зла. Религіозныя общины—не бездушныя сады или огороды, которые могутъ мирно процвѣтать одинъ подлѣ другаго. Въ нихъ живыя люди, которые не признаютъ нашей широкой вѣротерпимости: они движутся, нравственно живутъ, ревнують о своей вѣрѣ и ея распространеніи. Мы удивляемся, отъ чего такъ у насъ усиливается магометанство, разные расколы и секты. Вспомнимъ какъ объясняетъ евангельская притча, откуда у хозяина поля появились плевелы посреди пшеницы: *когда люди спали, говоритъ притча, пришоль врагъ господина и посылалъ между пшеницею плевелы* (Матѣ. XIII, 25).

Мы не довольствуемся тѣмъ, что желаемъ нашимъ согражданамъ иныхъ исповѣданій или религій благоденствія внѣшняго на равнѣ съ нами: мы хотимъ, чтобъ и вѣры ихъ были ограждены законами и процвѣтали какъ будто на насъ лежитъ нравственная обязанность заботиться и объ этомъ. Здѣсь одно изъ двухъ: или мы не убѣждены въ истинности вѣры исповѣдуемой нами самими, или намѣренно хотимъ закрѣпить совѣсти людей подъ вліяніемъ и властію ихъ ложныхъ религій.

Есть религій языческія въ нашемъ отечествѣ до того темныя и скудныя по отношенію къ истинамъ вѣры и нравственности, что ихъ вѣрнѣе назвать скопленіемъ суевѣрій, какъ на примѣръ, шаманство. Ихъ послѣдователи у своихъ боговъ и ихъ служителей просятъ только хлѣба и безопас-

ности отъ звѣрей и болѣзней и для этого приносятъ омерзительныя жертвы. Когда миссіонеры общаются имъ этотъ хлѣбъ и безъ опасностъ въ средѣ христіанъ, привлекая ихъ чрезъ это и къ просвѣщенію вѣрою Христовою, наши образованные люди восклицаютъ: «это подкупъ, это противно свободѣ совѣсти!» Но какому началу нравственности противно, чрезъ внѣшнія выгоды привлекать къ свѣту истины людей, которые и отъ своей религіи ничего не ищутъ кромѣ этихъ выгодъ, и въ умы которыхъ прлмо иногда нельзя провести ни одного луча духовнаго свѣта? Неужели безнравственно— дитя или малоумнаго человѣка вывести гостинцемъ изъ горящаго дома? Бояться такого образа дѣйствованія можетъ только тотъ, кто самъ не увѣренъ, что такимъ косвеннымъ путемъ онъ выводитъ ближняго изъ тьмы къ свѣту истины. Это значитъ, что онъ самъ колеблется взять душу и судьбу ближняго на свою совѣсть и отвѣтственность, и потому лучше готовъ оставить его коснѣть и гибнуть во тьмѣ грубаго идолопоклонства и невѣжества. Если бы св. князь Владиміръ водился воззрѣніями современныхъ намъ мыслителей и почиталъ противнымъ совѣсти воспользоваться чувствомъ преданности къ нему его народа для привлеченія его къ христіанству, можетъ быть еще нѣсколько лишнихъ вѣковъ наши предки блуждали бы во тьмѣ язычества.

Много плевеловъ насѣялъ врагъ на чистомъ полѣ православной церкви, *намъ спящимъ!* Обыкновенно винятъ въ этомъ пастырей церкви, духовенство. Не оправдывая себя, однакоже еще разъ скажемъ, что апостолъ говоритъ не намъ однимъ, а и всѣмъ членамъ церкви: *молимъ вы, братіе, разумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя.* За нимъ и мы въ правѣ молить васъ: обновляйте въ себѣ сознаніе, что вы собственно церковь Христова, а мы только служители церкви, что вы—то единое живое тѣло, которое, по апостолу, бо-

лить все, когда страдаетъ одинъ его членъ (1 Кор. XII, 26). Проникнитесь заботой о цѣлости и безопасности этого великаго тѣла, отъ котораго все мы, какъ члены, получаемъ духовную жизнь и нравственную силу и единство. Замѣчайте, что свое, что чужое. Различайте голоса наемниковъ отъ голоса единого нашего пастыря Христа. Держитесь въ оградѣ церкви, за нею рыщутъ волки-хищники... Аминь (*).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Чѣмъ и какъ облегчить труды священника по исповѣди прихожанъ?

«Внимай себѣ, о духовниче! зане аще погибнетъ едина овца нерадѣнія ради твоего, отъ рукъ твоихъ изыщется». Такъ заповѣдуется священнику въ предисловіи къ послѣдованію о исповѣданіи, такъ знаетъ это и самъ каждый священникъ, а между тѣмъ при совершеніи исповѣданія едва-ли не болѣе, чѣмъ при совершеніи другихъ таинствъ, онъ встрѣчаетъ неудобствъ и трудностей дѣлать свое дѣло по надлежащему, вопрошать каждаго входящаго на исповѣдь прилежно, едино по единому, и ожидать его, донелѣже отвѣщаетъ противу коегождо вопрошенія, исправлять притекающія къ нему со всякимъ разсуднымъ испытаніемъ, смотря различіе лицъ, и по тому испытаніе творя-преподать завѣщаніе или наставленіе послѣ исповѣди, и наконецъ дать каждому противу согрѣшеній его особое правило въ успокоеніе совѣсти и укрѣпленіе воли грѣшника. «Инако исповѣдуй духовна, инако людина, инако монаха, инако мірянина, инако юва, инако старца»: т. е. духовникъ при исповѣди долженъ обращать вниманіе, какъ на различное внутреннее состояніе кающагося, такъ и на различное ихъ внѣшнее положеніе, имѣя въ виду различное умственное состояніе исповѣдающихся, особенныя качества ихъ сердца и воли и особенныя условія положенія отроковъ, юношей, дѣвицъ, мужей и женъ, вдовъ и старцевъ, родителей и дѣтей, богатыхъ и бѣдныхъ, благородныхъ и простыхъ, начальниковъ и подчиненныхъ, господъ и слугъ, купцовъ и рабочихъ людей и проч., и проч., между тѣмъ это великое дѣло исповѣди

(*) Слово заимствовано изъ «Церковнаго Вѣстника».

на практикѣ у насъ сложилось такъ, что духовникъ въ своемъ распоряженіи имѣетъ только минуты на совершеніе его, и исповѣдь оказывается маловліятельною. Наступаетъ святой великій постъ. Еще наканунѣ, въ прощальное, сыропустное Воскресенье, усиленно добдая разныя печенья и варенья, мы по большей части заговариваемъ другъ съ другомъ о томъ, когда, на которой недѣлѣ предполагаемъ говѣть. Но ужели въ одинъ только великій постъ можно и нужно говѣть? Да и въ великомъ-то постѣ мы выбираемъ для говѣнья недѣли, такъ сказать, по важнѣе — первую, крестопоклонную, благовѣщенскую, и идемъ исповѣдываться всѣ непремѣнно въ Пятницу—часа въ три-четыре вечера, выгадывая время для себя, съ одной стороны, чтобы меньше нагрѣшить послѣ исповѣди до причащенія, а съ другой—чтобы не очень заморить себя постомъ. Но чтоже изъ всѣхъ этихъ незаконныхъ расчетовъ выходитъ и для насъ исповѣдующихся, и для духовника? Приходить на исповѣдь въ Пятницу, часа въ четыре вечера, душъ сто, двѣсти, триста и болѣе, смотря по численности прихода. Каждый изъ пришедшихъ напередъ сознаетъ, что долго исповѣдываться, раскрыть душу предъ о. духовнымъ не приходится: удержишь другихъ, обратишь на себя особое вниманіе и проч.; и вотъ по пустой самой причинѣ, по устроаемому нами самими недостатку времени, большинство пришедшихъ во врачебницу отходятъ неисцѣленными, а духовнику, вслѣдствіе того же, при всемъ сознаніи своего долга, отъ точнаго исполненія котораго зависитъ нравственное состояніе и вѣчное спасеніе паствы, оказывается физически невозможнымъ прилежно и опасно, т. е. внимательно, исполнять этотъ долгъ. И такимъ образомъ исповѣдь, къ которой мы цѣлый годъ срягаемся очистить свою совѣсть и помирить себя съ Богомъ, въ которой по преимуществу нашъ пастырь долженъ бы имѣть случай къ дѣйствительнѣйшему вліянію на наше нравственное исправленіе и совершенствованіе, отъ насъ же самихъ является дѣломъ механическимъ, скорѣе обычаемъ, чѣмъ истиннымъ таинствомъ, и въ общемъ не производитъ того вліянія на улучшеніе общественной и народной нравственности, какое должна была бы производить по цѣли ея Божественнаго учрежденія въ Церкви и по своему существу.

Сколько мы знаемъ, священники не дозволяютъ себѣ исповѣдываться по нѣскольку человекъ заразъ, вмѣстѣ. И относительно малолѣтнихъ этого не дозволяется дѣлать; тѣмъ болѣе

неудобно, вредно и незаконно исповѣдывать заразы, вмѣстѣ, по нѣскольکو взрослыхъ. Не можетъ быть въ употребленіи, вмѣсто исповѣди, какъ это мы слышали о юго-западныхъ епархіяхъ, и одно прочтеніе предъ всѣми исповѣдующимися повседневной молитвы для исповѣданія грѣховъ, составленной Святителемъ Димитріемъ. Такое употребленіе—положительное злоупотребленіе исповѣдью, какъ таинствомъ, и прямое нарушеніе церковнаго чинопослѣдованія, установленнаго для этого таинства. Но и всюду многолюдство исповѣдующихся, краткость времени для совершенія исповѣди вынуждаютъ священниковъ отступать, при совершеніи исповѣди, отъ точнаго порядка чинопослѣдованія, и совершать ее или по собственному разумѣнію и усмотрѣнію, или по давнему обычаю и примѣру; отчего исповѣдь совершается и разнообразно, и не всегда даже благообразно. Первое, что могли бы и должны сдѣлать священники-духовники въ своихъ приходяхъ для исполненія своего долга по исповѣди, сообразно цѣли ея Божественнаго установленія и для улучшенія чрезъ исповѣдь и при исповѣди народной нравственности, по нашему мнѣнію, должно быть то, чтобы они неустанно и настоятельно призывали своихъ пасомыхъ приходить на исповѣдь не въ пятницы только, а и въ другіе дни говѣнія въ недѣли великаго поста. Конечно, хорошо, и каждому говѣющему желательно, исповѣдаться предъ самымъ причащеніемъ. Но едва ли не лучше исповѣдаться и раньше, но надлежащимъ, неторопливымъ исповѣданіемъ, чтобы съ полною свободою и удобствомъ раскрыть все свое сердце предъ отцемъ духовнымъ и получить отъ него должное наставленіе, одобреніе и утѣшеніе. Затѣмъ, особенно дѣтямъ, юношамъ и старцамъ слѣдуетъ внушать и даже настаивать на этомъ, чтобы они дѣло исповѣди находили благовременнымъ совершать не въ великій только постъ, а и въ другіе посты. Значительная часть исповѣдавшихся въ другіе посты дастъ время и удобства духовнику лучше исполнять свое великое и святое дѣло надъ остальными въ великій постъ, и цѣль исповѣди такимъ образомъ будетъ достигаться вѣрнѣе. Даже позволительно, думаемъ мы, и то, если въ большихъ приходяхъ, пастыри принадлежащею ихъ властію, конечно, соблюдая мѣстныя условія и внимая обстоятельствамъ прихожанъ,—не ожидая когда прихожане придутъ на исповѣдь, назначать каждому изъ нихъ недѣлю для говѣнія и исповѣди, чтобы исповѣдь была законнѣе и цѣлесообразнѣе совершена, какъ со стороны

самихъ пастырей, такъ и съ благотворною пользою для пасомыхъ. И наконецъ, если привсемъ этомъ, придется все-таки сокращать изложенное въ Требникѣ чинопослѣдованіе исповѣди, то его, во избѣжаніе разнообразія и неблагообразія, по опыту лучшихъ священниковъ духовниковъ, можно достигать тѣмъ, что предварительное наставленіе, требуемое чиномъ и существомъ исповѣди, можетъ быть преподано всѣмъ говѣющимъ разомъ, въ видѣ церковнаго поученія предъ исповѣдію, поученія краткаго, сжатаго, но яснаго и сильнаго. Этимъ выполнится и установленный церковный порядокъ, а главные слушатели говѣющіе будутъ надлежащимъ образомъ настроены и предрасположены въ исповѣди. Потомъ, каждому приступающему къ исповѣди, нужно предложить слѣдующіе существенно-важные вопросы:

- 1) Вѣруешь-ли ты въ Господа и Святую Его Церковь?
- 2) Согрѣшилъ-ли предъ Господомъ и сознаешь-ли свою грѣховность?
- 3) Раскаиваешься-ли во грѣхахъ и сожалѣешь-ли объ нихъ?
- 4) Не совершилъ-ли особенно тяжкихъ грѣховъ?
- 5) Имѣешь-ли твердое намѣреніе и рѣшимость исправиться?
- 6) Увѣренъ-ли въ Божіемъ милосердіи и падѣешься-ли на прощеніе своихъ грѣховъ?

Въ заключеніе священникъ долженъ въ самыхъ короткихъ словахъ внушить исповѣдывающемуся необходимость исправленія: «помниже, можетъ сказать онъ ему, что ты далъ Господу обѣщаніе исправиться и постарайся его исполнить, а иначе постигнетъ тебя гнѣвъ и судъ Божій».

(Владимір. Епарх. Вѣдоц. 1873 г. № 4).

С о д е р ж а н і е.

—1) О правахъ совѣсти: слово въ недѣлю православія. *Протоіерея А. Каючарева.* — 2) Извѣстія и замѣтки.

Редакторъ *Николай Суворовъ.*

Дозволено цензурою. Марта 31 дня, 1876 г. Вологда
Въ типографіи Губернскаго Правленія.